

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ДИАСПОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В данной научно-исследовательской работе рассматриваются вопросы, с которыми армянские диаспоранты сталкиваются в Российской Федерации, связанные с их статусом и этнической идентичностью, а также, каким образом интерпретируются стереотипы по отношению к армянам. Это касается также влияния индивидуальных или групповых ценностей и социального поведения, в контексте взаимодействия с группой в этнической среде определяющее концепцией этнического «Я». Социологическое исследование было проведено с представителями армянской диаспоры в Оренбурге, в Уфе и в Челябинске. Статья призвана показать, каким образом культурные и традиционные особенности этнической группы армян выражается в поведении ее членов, а с другой стороны, как упомянутые особенности выражены при взаимодействии с различными этническими группами в городе пребывания. В данном исследовании армянская диаспора 3 регионов была рассмотрена и как малая социальная этническая группа, и как социальный институт. Отмечается возможность появления различных типов конфликтов (скрытой и явной) во взаимодействии между этническими группами.

Ключевые слова: миграция, диаспоранты, диаспоральные процессы, этнические конфликты, скрытые конфликты, этнический статус, самоидентификация, социальное поведение, традиционные особенности группы, индивидуальные или групповые ценности.

Ухудшение социально-экономической ситуации и резкий упадок жизненного уровня во всех странах Содружества независимых государств привели как к временному, так и к постоянному огромному потоку трудовой миграции, которая в свою очередь вызвала ряд проблем, среди которых особое место занимает этнический аспект миграции. Проблема в том, что процессы, которые разворачиваются в новой этносоциальной среде, в зависимости от особенностей этнической группы, достойны изучения и анализа.

Глобальные политические и экономические изменения в нашей стране, а также постоянно растущее миграционное движение оказывают огромное воздействие на те этнические процессы, с которыми сталкивается армянский диаспорант. В последние годы постоянно возрастающий миграционный отток за границу (в основном в Россию) сегодня в принимающей стране приводит к ряду проблем, связанных с процессами, разворачивающимися в данной среде. Актуальность проблемы состоит в том, что в любом регионе, где сосуществуют представители различных этнических групп, встречается этническое неравенство, так как этнические группы, а также все остальные социальные группы, формируют определенную иерархию. Уже в этом разрезе намечается конфликтный потенциал [1].

На всем протяжении истории перемещения населения занимали важное место в формировании и распространении армянского народа, особенно в формировании армянской диаспо-

ры. Она и сегодня продолжает оказывать большое воздействие на переформирование армянского этноса. В Армении миграция имеет глубокие исторические корни.

Изучение территориального перемещения населения важно в плане развития и урегулирования внутринациональных отношений. Перемещения населения и этнические процессы, будучи взаимосвязанными, находятся в причинно-следственной связи. Если перемещения населения ускоряют этнические процессы, вызывая определенные изменения в том или ином компоненте этноса, то эти изменения в свою очередь становятся важным предусловием для более активного перемещения [2, с. 233]. Следует отметить, что миграция оказывает свое влияние не только на страну выезда, но и на страну въезда. Если в первом случае проблемы, возникшие вследствие миграции, связаны с политическим, правовым, социально-экономическим аспектами, то во втором случае проблемы затрагивают этнический аспект группы, мигрирующей в зарубежную страну, и многочисленные понятия, вытекающие из него: этническое самосознание, этнические стереотипы, этническая идентичность, этнокартина.

Важное значение в жизнедеятельности этнических групп имеет осознание каждым ее членом того, что он принадлежит к определенной, своеобразной группе, то есть, этническое самосознание. Тут следует отметить, что если самосознание – это знание личности о самом себе, то сознание – это знание о другом. В случае этни-

ческой группы самосознание – это знание о своей группе, а сознание – о других [2, с. 175].

Представления о собственной этнической группе и о других группах, формирующиеся в ходе межэтнических взаимоотношений, – не только просто общая сумма определенных признаков, а система определенных ценностных отношений.

Интерпретации структуры этнического самосознания различны. Социальные психологи рассматривают этническое самосознание как аутостереотипы и осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе [3, с. 166]. То есть этническое самосознание – это принадлежность или самоприписывание к этническому сообществу.

Суммируя вышесказанное, можно сделать заключение, что в структуру этнического самосознания входят осознание своей принадлежности к определенной этнической группе, картина «мы» и этнические интересы.

Составным элементом этнического самосознания являются этнические стереотипы. Этнические стереотипы имеют важное значение: они предопределяют линию поведения личности и помогают ей ориентироваться в новой, незнакомой этносоциальной среде. Этнические стереотипы в этническом самосознании представлены аутостереотипами – этноинтегрирующие признаки, воображаемые или действительные представления о собственной этнической группе, и гетеростереотипами – этнодифференцирующие признаки, представления о других этнических группах [4]. У аутостереотипов и гетеростереотипов разное количество характеристик, зависящее от этнической среды, характера отношений в этой среде, и, наконец, от гносеологических способностей людей. В гетероэтнической среде, когда в одной и той же среде сосуществуют титульные этнические группы, и группы, составляющие меньшинство, особенно при изучении конфликтной ситуации, интерпретация этих стереотипов очень важна. И, наконец, этнические стереотипы – это признаки, приписываемые этнической группе. Они конечно могут отражать реальность, но считать их объективной, реальной характеристикой данной национальности будет неправильно. В ходе социологических исследований диаспоранты в виде слов и словосочетаний, характеризующих людей, принадлежащих собственному или другим этническим сообществам, перечисляли различные положительные и отрицательные стереотипы.

Гетеростереотипы, приписанные русским диаспорантам, различаются в зависимости от географического положения области, от севера до юга и от востока до запада. Русские Сибири и Урала отличаются «чистосердечностью», «большим чувством ответственности», «трудолюбием», «добротой», (эти признаки были выделены в результате общей классификации всех понятий, полученных в ходе исследования, уже после первичной квантификации единиц анализа). Бросается в глаза тот факт, что гетеростереотипы про население данного участка России преимущественно имеют положительную направленность. Отрицательные гетеростереотипы единичны и в этом плане составляют незначительное количество. Почти та же картина складывается для жителей северного региона России. Эти гетеростереотипы возникают как в трудовом процессе, так и вне этих процессов, на основе непосредственных коммуникаций. Отдельного внимания заслуживает информация, полученная о трех городах Российской Федерации – Оренбурге, Уфе и Челябинске. Этническое сообщество Челябинска и вокруг города характеризуется преимущественно отрицательными гетеростереотипами, такими как «шовинист», «националист», «агрессивный», «отрицательно настроенный» и т. д. Преобладание подобных признаков, приписываемых армянскими диаспорантами, можно комментировать в том контексте, что подобному отрицательному восприятию удостоились все представители кавказских национальностей, в том числе, армяне, что преимущественно обусловлено большим количеством мигрантов в этом городе. У большинства из местного населения миграция кавказских национальностей воспринимается как вторжение (которое предполагает изменение обычной, привычной жизни) в их территорию, несмотря на то, что многие из приезжих уже давно по статусу граждане РФ, т. е. россияне.

Определенная противоположность намечается между жителями Уфы и Оренбурга. Если в первом случае националистические представления преобладают и ярко выражены в этническом поведении жителей, то во втором случае отрицательные гетеростереотипы не составляют большого количества и преобладают положительные гетеростереотипы.

Примечательно мнение одного из респондентов по этому поводу: «Оренбург – в некотором смысле одновременно и европейский, и азиатский город России, где большинство населения к друг другу и иностранцам могут относиться

ся хотя бы внешне цивилизованно, несмотря на то, что у некоторых намечается шовинизм».

Любопытны ауостереотипы, приписанные армянскими диаспорантам к собственной группе. Интересно, что количество отрицательных ауостереотипов не уступает количеству положительных. Это любопытно в том плане, что часто собственная этническая группа характеризуется положительными ауостереотипами, а представители других этнических групп – отрицательными гетеростереотипами, так как этноцентризм по существу является закономерным явлением для находящейся в данной этносоциальной среде группы. Это своеобразный способ самосохранения. Что касается несколько противоречивой картины, сложившейся у армянских диаспорантов, то следует отметить, что диаспоранты осознают или ожидают тот факт, что рано или поздно вернутся на (историческую) родину и то, что они не на постоянное место жительства поехали за границу. В результате классификации отрицательных ауостереотипов в более крупные группировки были получены следующие смысловые единицы: «мошеничество», «непунктуальность», «безответственность», «стремление решать свои проблемы за счет других». Тем не менее, в указанных диаспорантами ответах проявляются также этноцентрические представления. Так, на вопрос «представителем какой национальности Вы бы хотели, чтобы Ваш работодатель был?» подавляющее большинство своим ответом отдало предпочтение армянам. Этот факт, пожалуй, связан с глубокими корнями, которые имеет концепция «мы» у представителей армянского этноса, хотя, как уже было отмечено, существует чувство ксенофобии к «нашей» группе. В трудовой деятельности, когда возрастает роль этнического «Я», большую роль играет уже представление «я среди других».

Во взаимоотношениях различных этнических групп, в зависимости от линии поведения, отдельного внимания заслуживает понятие «этничество». Существуют разные интерпретации понятия «этничество», но все они сходятся в том, что этничество – это групповая характеристика, которая выявляется при сопоставлении «нас с другими» [5, с. 18]. Этничество не может существовать вне сопоставления или коммуникации, только при взаимодействии с другой группой оно может выразить свою сущность. Это основной способ выражения этничества, так как культурные и организационные характеристики группы могут трансформироваться, но дихотомия, между «мы» данного сообщества и «они» других

сообществ, всегда остается неизменной. Именно по этой причине этническая идентичность может сохраняться даже без признаков языка, региона, общей культуры. И когда это сравнение перерастает в противоположность, этничество приобретает форму ксенофобии (страх перед чужими) к представителям «не нашей» группы и эгоцентризма «нашей» группы [5, с. 18].

Этничество является идентифицирующей категорией и на индивидуальном уровне выступает как своеобразная форма концепции «Я». Уровень выраженности этнического «Я» зависит от самоопределения личности [5, с. 19]. Этническая идентичность формируется в процессе социализации. На групповом уровне уже этническое «Я» трансформируется в образ «Мы», оно приобретает характер групповой идентичности и групповой солидарности. Следует отметить, что этническая идентичность по-разному выражается во внутригрупповых и межгрупповых (межэтнических) взаимоотношениях. Если в первом случае отношения регулируются девизом «Я среди себе подобных» и идентификация отходит на задний план, то во втором случае действует лозунг «Я среди чужих» и значение этнического «Я» возрастает [5, с. 19–20].

Этничество, как на индивидуальном, так и на групповом уровне, выполняет ряд функций. Оно выполняет функцию урегулирования социального поведения, регулируя межгрупповые взаимодействия посредством традиций и обычаев. Оно регулирует и систематизирует ту огромную информацию, которую получает индивид или группа посредством ценностных ориентиров. И, наконец, этничество наделено защитной функцией, когда в совсем новой этносоциальной среде в кризисных или конфликтных ситуациях индивид стремится защищаться прежде всего под его прикрытием [5, с. 21].

Типология конфликтов и предпосылки возникновения. Существуют многочисленные определения этнических конфликтов. Многие из них включают элементы борьбы, противоборства и тем самым стараются разграничить конфликт от соперничества. Некоторые ученые рассматривают вопрос глубже и утверждают, что конфликт – это борьба несовместимых интересов и целей [6, с. 17].

Несмотря на то, что большинство этнических конфликтов можно характеризовать с помощью этих понятий, тем не менее, конфликтам не всегда присущи взаимоисключающие цели или средства [7, с. 95]. В этом плане уместно упомя-

нуть определение Л. Козера [8, с. 8], которое как бы включает все вышеуказанные категории. Конфликт – это борьба для достижения цели путем уничтожения, нанесения вреда или устранения противника. Подобное определение дает возможность изучать несовместимость целей и средств, интересов, а не считать вопрос закрытым, включая эти понятия, как в предыдущих определениях, в само определение [7, с. 95].

Существуют различные критерии типологии этнических конфликтов. Исходя из круга интересующих нас вопросов, то есть взаимодействия представителей этнической группы, составляющей меньшинство в новой этносоциальной среде, и местного титульного населения, конфликты можно типологизировать следующим образом:

1. Лингвокультурные конфликты – подобные конфликты, как правило, результат полного применения родного языка и культурных ценностей в иностранной среде, иными словами, это конфликты, угрожающие этнической идентичности.

2. Социально-экономические конфликты – они связаны с требованиями выравнивания жизненного уровня отдельных этнических групп. Сюда включаются также те конфликты, которые связаны с распределением ресурсов между титульной этнической группой и составляющими меньшинство этническими группами.

3. Статусные конфликты – связаны с требованиями изменения (повышения) статуса, будь он индивида или этнической группы.

Статусная неудовлетворенность – одна из причин напряженности межэтнических взаимоотношений. Результаты исследований, проведенных в России, свидетельствуют именно об этом: «Когда все живут хорошо, то для тебя все равно, кто тебя окружает, и ты рад для всех. А когда ты плохо живешь, то начинаешь искать врагов, и часто их находишь среди представителей других этнических групп» [9, с. 68].

Неравное распределение привилегий и прав, а также статусная неудовлетворенность, могут вызывать враждебные ощущения, но это не всегда приводит к конфликтам. Разница между конфликтами и враждебными ощущениями существенна. Козер отмечает, что конфликт всегда происходит между двумя или более индивидами. А враждебные ориентации – лишь предпосылки, которые могут вызвать конфликтное поведение. Конфликт представляет собой взаимодействие [8, с. 37].

Наблюдения показывают, что диаспоранты стараются обосновываться и найти работу особенно в тех местах, где много армян, ожидая, таким образом, поддержку местной армянской общины или диаспоры.

В результате опросов выяснилось, что среди местного населения диаспоранты воспринимаются как реальная угроза для потери своих рабочих мест на трудовом рынке, прироста безработицы и изменения общего демографического состояния.

Экономическое поведение диаспорантов отличается от поведения местных жителей. По сравнению с последними, соотношение вовлеченности диаспорантов как трудового ресурса более высоко. Они склонны делать сбережения, на работе прикладывают больше усилий и имеют более высокую склонность начать новое дело или отыскать новые варианты самозанятости [10, с. 390]. А так как правовой и экономический статус диаспорантов не столь надежный, в условиях часто повторяемых экономических кризисов первыми именно они становятся «козлом отпущения», часто подвергаясь этнической дискриминации. Это приводит к экономическому и культурному отчуждению. А отчуждение в гетероэтнической среде является своеобразным прологом возникновения конфликтных ситуаций. В этом случае происходит увеличение социокультурного пространства между представителями разных этнических групп. Именно такое поведение намечается у этнодисперсных групп в Оренбурге, в Уфе и в Челябинске. Отчуждение от всего этого обусловлено также сугубо культурными особенностями, разными стереотипами поведения [5, с. 55]. Чтобы противостоять отчуждению, диаспоранты часто вырабатывают ряд защитных рычагов. Этот этап характеризуется ситуацией конфликтного потенциала. Национальные признаки диаспоранта, его позиции, обычаи сталкиваются с культурными ценностями данной страны, в ходе чего происходит «потеря» «старых» критериев, представлений и присвоение новых моделей поведения.

Следующий этап характеризуется как этап формирования враждебного отношения по следующим причинам: экономическая, когда какая-либо этническая группа распространяет достаточно успешную деятельность в условиях общего упадка жизненного уровня; политическая, когда политические партии через средства массовой информации внушают враждебные установки (это отчасти связано с кавказофобией).

И, наконец, последний этап – это этап выражения насилия, обычно именно здесь и видят реальный конфликт.

По результатам нашего исследования можно заключить, что в России армян воспринимают двояко, и тем самым, наличие напряженности или конфликтов имеет разные основания. Дело в том, что есть регионы, где местное титульное население с давних пор знакомо с армянским этносом, там, где на протяжении истории армяне жили постоянно. Это в основном южная часть России. И есть такие населенные места, где жителям об армянах ничего не было известно, а армяне только-только появляются там. Но нужно учитывать также тот факт, что туда, где армяне живут с давних пор, в последние годы перемещаются новые армянские диаспоранты. То есть в этих рамках параллельно действуют так называемые «старые» диаспоранты – старожилы, и «новые», недавно иммигрировавшие армяне. В этих населенных местах армян воспринимают с помощью как положительных, так и отрицательных стереотипов, при этом с помощью положительных стереотипов воспринимают старых армян. А вот там, куда армяне только в последние годы иммигрировали, а до этого о них общих представлений местные жители не имели, вот в восприятии данных армян, как и всех «остальных представителей кавказских национальностей», намечаются отрицательные стереотипы».

Так, между местными жителями и диаспорантами намечается ярко выраженный конфликт. Если попробовать типологизировать эту группу конфликтов, то можно сказать, что они связаны с социально-структурными изменениями, происходящими в принимающем обществе. Происходит изменение социального положения местных жителей. Стремления диаспорантов достичь равного статуса приводит к напряженности, которая часто перерастает в конфликты. Конфликтный потенциал связан с постепенным «давлением» неограниченных возможностей правящей титульной стороны. А требования другой стороны, в данном случае армянских диаспорантов, составляющих меньшинство, постепенно растут. С точки зрения социологии, этот процесс может быть сформулирован с помощью следующего лозунга: «Чем больше мы имеем, тем больше нам хочется».

Кроме конфликтов, возникающих во взаимоотношениях местные жители-диаспоранты, существует также конфликт власти-диаспоранты, о чем свидетельствуют результаты исследований. Тем не менее, согласно таким результатам, в слу-

чае армянских диаспорантов данный вид конфликта выражен меньше, нежели в случае азербайджанцев или грузин. В этом плане следует отметить, что в любой сфере жизненной деятельности отношение представителей титульной стороны к представителям последних двух народов имеют более отрицательный характер, нежели к армянам. Это прежде всего обусловлено тем фактом, что представители этих двух национальностей очень часто попадают в подозрение в вовлеченности в чеченском конфликте в той или иной степени, а осознание факта армяно-русского стратегического партнерства является второй, несравненно малораспространенной причиной.

К следующей группе потенциальных конфликтов принадлежит взаимодействие между старыми и новыми армянами. Несомненно, он не носит массовый характер и относится к ряду скрытых конфликтов. Тем не менее, в России намечается подобная противоположность. В этом плане следует разграничить конфликт и противоположность. Как отмечает Э. Гидденс, противоположности не всегда рождают конфликт. Чтобы противоположность получила форму конфликта, необходимо осознание противоположности интересов и соответственные мотивы поведения [11, с. 198–199]. Конфликт, как уже было отмечено, представляет собой борьбу между различными группами, а противоположность пока не конфликт. Иначе говоря, если применить это разграничение в этническом пространстве, где существует групповая иерархия и отношения неравенства, то в случае противоположности реальность может быть описана как скрытая конфликтогенная ситуация. Контраст между старожилками и новожилами можно интерпретировать с точки зрения функционального межэтнического конфликта. Речь идет о том, что новые жители, диаспоранты, приехавшие в последние годы, в основном вовлечены в низших отраслях экономики, в сфере торговли, малого бизнеса, обслуживания и т. д. и своей деятельностью же удостоиваются отрицательного восприятия. А старожилкам, воспринимаемым с помощью положительных стереотипов, трудно терпеть подобную ситуацию, когда по чувству национального достоинства наносят подобные удары. Часто они стараются поддерживать новых жителей, этим же пытаются поднять их позиции. Вот в этом плане существующая противоположность способствует интеграции группы и сохранению баланса, что и является целью функционального внутриэтнического конфликта.

Из этого можно сделать заключение, что основная часть связанных с диаспорантами конфликтов, когда диаспоранты становятся «козлом отпущения», происходит не столько из-за этнической принадлежности, сколько из-за того, что местные жители, как представители титульного населения, а также старые армяне отрицательно воспринимают объективный процесс социальной разнородности общества. А социальная разнородность может стать основанием для возникновения конфликта между этническими группами. Как отмечает А. Здравомыслов, конфликты не могут иметь сугубо этнического характера. Конфликты между этническими группами или сообществами возникают не вследствие этнокультурных различий, не по той причине, что в конфликтах разоблачаются противоположности между группами, объединенными на основе этничества [12, с. 6].

Другая группа конфликтов связана со стереотипами «представителей кавказской национальности», которые существуют также во всех трех населенных пунктах – Оренбург, Уфа, Челябинск, где представления об армянах имели общий характер, а после распада СССР в последние годы армяне начали интенсивно иммигрировать.

В этих населенных пунктах армяне, как и все остальные представители Кавказа и Закавказья, воспринимаются как представители «кавказской национальности». Такое восприятие несомненно применяется в отрицательном плане. В основном основанием формирования этих стереотипов являются специфичная для кавказцев внешность и артикуляция, которые, конечно, разные и у разных кавказских и закавказских национальностей, но местные жители (русские или башкиры) не разграничивают их. Несмотря на то, что внешность по существу не является этнодифференцирующим признаком, тем не менее, она может стать стигмой представителей неблагоприятных национальностей.

Часто эта стигма приписывается не определенной конкретной этнической группе, а нескольким этническим группам, сосредоточенным в определенном регионе. Так, личность соответствующей внешности воспринимается не как азербайджанец, армянин, грузин, узбек или киргиз, а как «представитель кавказской национальности» или «азиат», так как большинство русских или башкир не умеют разграничивать проживающие на Кавказе и в Азии этнические группы по антропологическим данным.

Дело в том, что всем действующим на территории Российской Федерации этническим группам присуща определенная обособленность и сплоченное поведение, а также склонность к формированию определенных спаяк для взаимной поддержки. Различия между этими спайками для местных жителей не существенны, и все они живут как представители кавказских национальностей. Именно это является основной причиной того, что по отношению к кавказским народам применяется столь унижительная этнокартина, которую изначально стали циркулировать сотрудники правоохранительных органов. Эта, по существу, бессмысленная стигма на самом деле объясняется тем, что Кавказ и кавказец для российского человека – исторически сформированный коллективный образ, который часто воспринимается отрицательно.

Факт распространенности кавказофобии у россиян объясняется двумя вариантами формирования образа врага: формирование предубеждений и концептуализация, и наоборот, формирование фобии через средства массовой информации и ее внушение в групповое сознание. А в межэтнических взаимоотношениях формирование отрицательных позиций возможно в случае системного социального кризиса, во время которого происходит потеря устойчивого психологического состояния и формируются чувства национальной униженности и откормленности. Вот это в основном и является одной из важных предпосылок возникновения кавказофобии в сознании людей.

Однако необходимо сделать еще одно замечание, способствующее формированию этого отрицательного стереотипа. Проведенные нами экспертные опросы свидетельствуют, что этот стереотип, а также все остальные подобные отрицательные стереотипы: «представители азиатской национальности», «представители славянской национальности», были преподнесены России из-за рубежа для преднамеренного раскалывания межэтнических взаимоотношений внутри Российской Федерации, так и во взаимоотношениях с СНГ. В этом плане примечательна роль средств массовой информации, когда в формировании подобных стереотипов большую роль играют именно те СМИ, которые финансируются из-за рубежа.

Связь этнического самосознания или самоидентификации армянского сообщества с общими этнокультурными процессами достаточно тесна. В том случае, когда их культурные осо-

бенности имеют тенденцию сокращения, самоидентификация с собственной этнической группой четко сохраняется. Этот процесс свойствен почти всем представителям. И те, которые владеют родным языком, и те, которые плохо владеют, и те, которые живут собственными национальными ценностями, и те, которые не делят эти ценности, – все в том или ином плане сохраняют чувство национальной принадлежности.

Пожалуй, реальные причины кроются в требованиях социально-этнической семьи, в потребности этнической солидарности. Это важнейший компонент этничества. Язык, территория, культурные ценности могут и не сохраняться, но пока осознается («наше») своеобразие этнической группы в сравнении с («ними») другими этническими группами, сохраняется и этническое самосознание, и самоидентификация. Это особенно свойственно этническим группам, действующим в гетероэтнической среде.

В любом случае и эта противоположность «Мы» – «Они» должна иметь обоснованный довод, и она должна включать определенный этнодифференцирующий элемент. Именно этим элементом и выступает общая история или историческая судьба. Это понятие лежит в основе вышеуказанной противоположности.

Таким образом, массовая миграция армянских диаспорантов в разные населенные пункты Российской Федерации, несмотря на некоторые положительные последствия (приток капитала, рабочей силы), в сознании местного населения по большей части воспринимается отрицательно. Подобное сознание и наличие отрицательных стереотипов создают конфликтную напряженную ситуацию, когда в любой соответствующий момент она может принять форму очевидного конфликта, который в основном связан со сложностью межэтнических взаимоотношений, разными подходами лингвокультуры, образа жизни, самосознания.

01.02.2014

Список литературы:

1. Dahrendorf, R. Class and Class Conflict in Industrial Society / R. Dahrendorf. – Stanford CA: Stanford University Press, 1959. – P. 3–18.
2. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
3. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
4. Кцолева, Г.У. Опыт эмпирического исследований этнических стереотипов / Г.У. Кцолева // Психологический журнал / Ред. Б.Ф. Ломов, В.С. Шустиков, Л.И. Анцыферова. – 1986. – Том 7. – №2, март-апрель, 1986. – С. 41–51.
5. Сикевич, В. Социология и психология национальных отношений / В. Сикевич. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 203 с.
6. Krisberg, L. Social Conflict / L. Krisberg. – Prentice Hall, 2nd, 1982.
7. Horowitz, D. Ethnic groups in conflict / D. Horowitz. – Berkeley, 1985.
8. Coser, L. The function of Social Conflict / L. Coser. – London, 1964
9. Шестопап, Е.Б. Этнические стереотипы русских / Е.Б. Шестопап, Г.О. Брицкий, М.В. Денисенко // Социс., 1999, №4. – С. 66.
10. Healey, J.F. Race, Ethnicity, Gender, and Class: The Sociology of Group Conflict and Change / J.F. Healey. – Pine Forge Press, 2002.
11. Giddens, A. The Constitution of Society / A. Giddens. – Polity Press. Cambridge, 1989.
12. Здравомыслов, А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А.Г. Здравомыслов. – М., 1997. – 432 с.
13. Кефели, И.Д. Судьбы культуры XX века / И.Д. Кефели // Социально политический журнал. – 1996. – №5. – С. 78.
14. Мирский, Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах / Г.И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – №2. – С. 22.
15. Этническая толерантность как феномен современного общества. – Уфа: «Хан», 2008. – 155 с.
16. Здравомыслов, А.Г. Этничность и этническое насилие / А.Г. Здравомыслов, А.А. Цуциев // Социологический журнал, 2003, №3. – С. 43
17. Мичурин, А. Толерантность как социальный феномен: сущность, основные концепции / А. Мичурин // Проблемы социального развития Республики Башкортостан: Сб. науч. Трудов ИГИ АН РБ. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 141–146
18. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социс, 2006. – №1. – С. 32
19. Султанмуратов, И.З. Социально-демографическое развитие этноса (на примере башкир) / И.З. Султанмуратов. – Уфа: Гилем, 2009. – 172 с.

Сведения об авторе:

Осепян Анна Карленовна, ведущий социолог студенческой социологической исследовательской лаборатории факультета гуманитарных и социальных наук
Оренбургского государственного университета, магистр социологии
460018, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы 13, ауд. 20704, тел.: (3532) 372570,
e-mail: anna.osepyan@gmail.com